

Гвардии рядовой

В редакцию «Коммуниста» поступило письмо из Саратовской области от студента Арсена Ишханяна. В конверте находилась вырезка из газеты. Небольшая заметка «Они были в разведке». И приписка Арсена: «Дорогая редакция! Я прочитал о том, как два друга воевали на фронте. И меня поразило письмо одного из них, а именно Михаила Татевосяна, который писал своему фронтовому другу Вениамину Ширинкину. Так запросто и так лихо говорится в письме о боевых действиях, каждое из которых является подвигом. Уверен, автор этого письма настоящий герой...».

Прежде мне хотелось бы привести само письмо Татевосяна: «Здравствуй дорогой и многоуважаемый мой лучший друг и брат Вениа. Я и дочка смотрели телевизор. Вдруг сообщают, что Вениамин Александрович Ширинкин разыскивает своего фронтового друга Татевосяна. Я растерялся от неожиданной вести, в ушах зазвенело. Как только разговор пошел о фронте, вспомнил тебя и твои бесконечные героические дела. Твое имя знают все мои друзья и близкие. После этой передачи я вспомнил наши разведочные операции под Цинтеном. Помнишь тот случай зимой? Была дурга. Мы заблудились и зашли далеко в тыл противника, но операция прошла успешно. Между собой распределили — как действовать. Ты напал на часового, я с Заячником — на блиндаж, в котором уничтожили 18 фрицев. Я побежал к тебе на помощь, стукнул прикладом немца, а потом втроем тащили его до расположения нашей части. А помнишь ту вылазку, когда прошли минные поля с сапером, а немцы нам устроили засаду? Мы это предвидели, сумели навести панику и, завладев положением, взяли «языка» (вес его был 107 килограммов). Потом выяснилось, что он был берлинским артистом. Но это неважно. В то время на тебя напал сзади фриц, которого я успел быстро наказать...». На этом прерывается письмо Татевосяна.

Далее автор корреспонденции пересказывает продолжение, так сказать, своими словами. Трудно не согласиться с саратовским студентом Арсеном Ишханяном, он выражает уверенность, что Михаил Татевосяна настоящий герой.

И я отправился на поиски настоящего героя. Найти Татевосяна оказалось делом не трудным. Он живет в Ереване. Работает в Министерстве юстиции Армянской ССР. И так уж вышло, что еще до того, как мы познакомились с Михаилом Татевосяном, я

успел чуть ли не во всех подробностях познакомиться с его поистине героическими делами фронтовых лет.

Начну с того, что наш земляк, саратовский студент оказался прав. Татевосяна — настоящий герой. Орден Отечественной войны второй степени, орден Красной Звезды, ордена Славы третьей и второй степеней, множество медалей. Бесценные боевые награды, которых удостаивались за ратные подвиги, за проявленную личную храбрость. С сожалением подумал о том, что солдату не хватило всего лишь одной награды — Ордена Славы I степени, чтоб стать полным кавалером. Такой комплект, как известно, приравнивается к званию Героя Советского Союза. Каково же было мое удивление, когда в одном из официальных документов прочитал: «За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецкими оккупантами гвардии рядовой Татевосян заслуживает высокой солдатской награды — ордена Славы I степени».

Ранее мне доводилось писать о подвигах наших земляков Рафика Джагаряна и Абисака Баласаняна, которые в разное время были командованием представлены к званию Героя Советского Союза, однако в суровую годину лихолетья в силу различных обстоятельств представления не доходили до цели. И теперь лишь желтевшие страницы фронтовых газет рассказывают грядущему о том, как храбро воевали настоящие герои. А Абисак Баласанян был награжден орденом Ленина еще в самом начале войны, в ту пору, когда, как говорится, было не до наград. И вот передо мной документы, раскрывающие еще одну фронтовую судьбу, которую, обошла награда «по ряду обстоятельств», связанным с тяжелыми временами.

Но разве для благодарной памяти потомков так ли уж важны награды? Куда важнее сама память о живых и мертвых, о подвиге их. И не случайно для нас сегодня стали священной и неизменной формулой слова: «Ничто не забыто, никто не забыт».

Ничто не забыто. Значит, не забыто и то, что было сделано Михаилом Татевосяном в апреле 1945 года. Тогда гвардии рядовой, разведчик 82 гвардейского стрелкового Севастопольского полка 32 стрелковой Таманской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии Михаил Маркович Татевосян принимал участие в разгроме Кенингбергской группировки немцев. Он успел пройти, в буквальном смысле слова, огонь и

воду. Форсировал Керченский пролив, воевал за удержание и расширение Керченского плацдарма, освобождал города Керчь и Феодосию. Штурмовал Сапун-гору, освобождал Севастополь. Участвовал в ожесточенных боях в Прибалтике.

И вот передо мной боевая характеристика на гвардии рядового Татевосяна. Подписана она командиром полка подполковником Г. Носаченко, который писал: «Разведчик Татевосян М. М. в боевой обстановке был смелым и инициативным бойцом, проявлял мужество и отвагу. Среди полковых разведчиков пользовался заслуженным боевым авторитетом». Далее командир полка описывает подробности боя, и перед нами раскрывается картина жестокой схватки. Третий батальон неожиданно оказался во вражеском кольце и необходимо было во что бы то ни стало хотя бы одному из разведчиков проскочить к однополчанам, оказавшимся в беде. Сегодня, когда смотришь на войну с высоты четырех десятилетий, задание такое может показаться странным: необходимо было пробраться через поле, которое крест-накрест простреливалось, и передать командованию батальона, чтобы они держались до последнего, чтобы не теряли надежды, — помощь подоспел. Вышла из строя рация, нет телефонной связи. Были вызваны добровольцы из полкового взвода разведки. Желающих было много. Выбор пал «на беззаветно смелого и решительного разведчика Татевосяна».

Я читал о том, что добровольцев было много, и невольно подумал о другом. Пусть никто из них не знал, что через двадцать шесть дней весь мир облетит великое слово «Победа». Но ведь все они хорошо знали, что остались считанные дни. Бой ведь однополчане Татевосяна вели за ликвидацию группировки немцев, которая должна была быть переброшена на берлинское направление. Берлин был уже рядом. Всего-то осталось несколько дней ходу до него. И тем не менее желающих идти на смертный бой было много. Историки лишь потом подсчитают, что в последние дни войны полегло на поле боя не меньше солдат, чем в самом ее начале. Наверное, придет время и мы будем иметь полную картину каждого из 1418 дней войны. Но неизменной останется жестокая и трагическая статистика: четырнадцать тысяч сто пять человеческих жизней в день. Такова была цена каждого дня войны. И молодые разведчики, которые добровольно пожелали вы-

полнить опасное боевое задание, не думали о смерти. Они знали, что за жизнь и свободу надо платить сполна. И платили.

О том, как двадцатилетний разведчик выполнил задание, думаю будет правильным, если расскажет сам командир полка: «Для того, чтобы пробраться в окруженный батальон, надо было преодолеть 200—250 метров открытого пространства, которое простреливалось пулеметным и автоматным огнем противника. Чтобы выполнить задание, гвардии рядовой Татевосян решил на крайний шаг: на виду у противника, презирая опасность, в считанные минуты, преодолеть это пространство. И он стремительно побежал по открытому полю. За его беспримерным бегом наблюдали наши гвардейцы. Заметили бегущего солдата и бойцы окруженного батальона. Татевосян преодолел сто — сто пятьдесят метров. Уже совсем небольшое расстояние осталось до спасительных ничейных домиков, за которыми в роще оборонялся третий батальон. Но немцы открыли огонь по советскому бойцу, который сделал еще несколько шагов и, как подкошенный, упал на землю. Горечь и злость охватила всех воинов, кто наблюдал за этим мужественным, беспримерным бегом разведчика. Перестрелка, продолжавшаяся еще некоторое время, постепенно затихла. Прошло около часа. И вот радость: разведчик не убит. Он только притворился мертвым, пролежав длительное время неподвижным. Он лишь ловил миг, чтобы вновь подняться и устремиться вперед. Немцы, не ожидавшие такого оборота, снова лихорадочно открыли огонь. Но усилия их оказались тщетными. Татевосян достиг домиков и под их прикрытием перебежками добрался до третьего батальона. Своей беспримерной личной храбростью и находчивостью разведчик Татевосян вдохновил воинов батальона на стойкость и героизм в обороне. Передал приказ командира полка: продержаться еще несколько часов до подхода подкрепления. Татевосян вместе с воинами окруженного батальона отражал атаки немцев. Батальон выстоял. А затем при поддержке с фланга подоспевшего второго батальона перешел в атаку и погнался противника дальше, развивая наступление...».

На следующий день 14 апреля 1945 года перед 82 гвардейским полком была поставлена новая задача: «взять господствующую над окружающей местностью безымянную высоту, преследуя противника, овладеть населенным пунктом Кляйн-Диршкайма». Несколько стремительных атак не дали успеха. Продвижение гвардейцев было остановлено пулеметным и автоматным огнем именно с той самой безымянной высоты, которую нужно было взять. Вот что пишет командир полка: «Бойцы второго батальона залегли в воронках и укрытиях перед передним краем обороны немцев. Атака захлебнулась. Связь с ротами прервалась». Вся надежда, в таких случаях, на разведчиков. Все спасение в них. Это они умеют ползти змеей, оставаясь незамеченными для наблюдателей противника. На сей раз выбор пал на троих. Документы сохранили их имена. Татевосян, Солдатов, Бояхчян.

Я не беру на себя смелость описывать сам бой, само взятие высоты. Как бы я, как говорится, ни владел материалом, какими бы документами ни располагал, с какой тща-

тельностью ни записывал бы живой рассказ живого героя, все же описать бой, думаю, может и должен лишь тот, кто шел в атаку. Одно я твердо знаю: своевременное взятие безымянной высоты, о которой здесь говорится, спасло много жизней наших воинов. Долго еще однополчане вспоминали о ней, о безымянной высоте. О подвиге бесстрашного разведчика Татевосяна. Вспоминали до Берлина. Вспоминают до сих пор оставшиеся в живых гвардейцы 82 полка 32 стрелковой дивизии. О самом же подвиге пусть расскажет бесстрашный фронтовой документ: «Под прикрытием минометного и артиллерийского огня разведчики, рискуя жизнью, попластунски и перебежками достигли рубежа, где залегли роты 2-го батальона. При взятии высоты снова совершил героический подвиг разведчик Татевосян, принявший на себя командование взводом 5-й роты, командир которого вышел из строя. По сигналу готовности был сделан артиллерийский налет по высоте. Вслед за ним бойцы батальона поднялись в атаку. В бою за высоту гвардии рядовой Татевосян показал пример беззаветной храбрости и героизма. Он разил врага огнем из автомата, забрасывал траншеи гранатами и, находясь в самой гуще боя, воодушевлял наших бойцов. Несмотря на сопротивление немцев, гвардейцы второго батальона овладели безымянной высотой. При взятии Кляйн-Диршкайма 1-й взвод 5-й роты под командованием Михаила Татевосяна уничтожил штаб немецкого подразделения, где нашли свою смерть 28 вражеских солдат и офицеров. А трех гитлеровцев взял в плен лично гвардии рядовой Татевосян...».

Вряд ли с этой самой безымянной высоты и до самого Берлина гвардейцы имели хотя бы мгновение, чтобы перевести дух. Из истории Великой Отечественной войны мы хорошо знаем, что уже со второй половины апреля сорок пятого наступление на Запад, на Берлин шло сплошной полосой. В такой ситуации вновь, как и в начале войны, не до награды было. Солдат спешил навстречу с Победой. А о славе он не думал.

Долго я беседовал с кавалером орденов солдатской Славы Михаилом Татевосяном. Густая седина, но молодой. Широкоплечий. Добрая улыбка на загорелом лице. Он и сейчас себя чувствует в строю. Человек, который носил самое, пожалуй, высокое звание на войне. Звание солдата. Солдат, который сорок лет назад боролся за Победу, а сейчас

